

Архимандрит Феофан

Преподобная Мария Египетская

Мария родилась в Египте и с юных лет впала в бездну разврата. Причиной стала ее необыкновенная красота: большие синие глаза на кротком лице и светлые волосы, что было редкостью в тех местах. Началось с обычного неповиновения родителям — и увлечений юношами, с ночных прогулок под луной в оливковых садах и пальмовых рощах. И дошло до того, что она оставила родительский дом, переехав в город — в Александрию. После этого от пятнадцатилетней девицы нельзя было ждать вообще ничего, кроме соблазнов.

И Мария, спускаясь ниже и ниже по лестнице порочной страсти, скоро оказалась на самой последней ее ступени. Так она провела около семнадцати лет. Казалось, не было уже надежды. Но Господь не оставил блудницу Марию и Своей премудростью обратил ее ко спасению.

Было это так. Однажды она увидела множество народа из Ливии и Египта, шедшего к морю, чтобы плыть в Иерусалим на праздник Воздвижения Святого Креста Господня. Ей тоже захотелось быть с ними. Но не ради Иерусалима и не ради праздника, а чтобы предаваться разврату.

Юноши-моряки увидели ее готовность ко всяческой разнузданности и взяли ее на свой корабль, а так как медлить было не для чего, корабль немедленно снялся с якоря.

И она плыла в Иерусалим, оскверняя своими делами море, как прежде оскверняла землю. Ни святой город, ни вид Голгофы и Гроба Господня

не могли остановить ее привычку к блуду. Мария и в Иерусалиме продолжала губить себя и совращать других...

Когда наступил день торжественного поклонения Кресту Христову, Мария вместе со всеми захотела войти в храм, но как ни старалась приблизиться к его дверям, каждый раз ее отталкивала толпа народа. Сначала она подумала, что это случайность. Она стала протискиваться в церковь, но у нее снова ничего не получилось. Наконец, Мария убедилась, что только она одна не может попасть внутрь. Тогда в ней проснулась совесть. Марию поразила мысль, что не люди, а Бог и собственные грехи не допускают ее к святыне.

Вдруг взгляд ее случайно остановился на иконе Пресвятой Богородицы, и, потрясенная, она вдруг осознала всю мерзость своей жизни.

Долго и усердно молилась Мария Пресвятой Богородице, умоляла позволить ей войти в храм и увидеть Крест, на котором пострадал Христос. Наконец ей показалось, что ее молитва услышана. Со страхом Мария подошла к церковным дверям, и на этот раз беспрепятственно вошла внутрь. Там она увидела Животворящий Крест Господень и поняла, что Бог готов простить кающихся. Она снова вернулась к иконе Пресвятой Богородицы и обратилась к Ней с мольбой указать ей путь к покаянию. И тут она услышала как бы далекий голос: «Иди за Иордан, там обретешь покой для твоей души».

Мария немедленно отправилась в путь, добралась до реки Иордан, переправилась на другой берег и удалилась в глубину Иорданской пустыни. Она не только отвергла всю прежнюю роскошь, но и вознеслась над человеческой природой. За время ее пребывания в пустыне у нее не было ни крова, ни одежды, ни пищи. Она взяла с собой из Иерусалима только три малых хлеба. Пищей

для нее служил не столько хлеб, сколько молитва и благодать Божия. И среди таких подвигов она провела сорок семь лет.

В то время в иорданской пустыне подвизался старец Зосима. Когда братия монастыря в дни поста уходила из обители, чтобы поститься в уединении, старец по откровению Божию ушел далеко за Иордан. Много дней скитался он по пустыне, и однажды в отдалении промелькнуло подобие человеческого тела, совершенно иссохшего и опаленного солнцем, прикрытого лишь длинными волосами. Зосима устремился к бегущему от него призраку и со слезами умолял его остановиться и дать ему свое благословение. Тогда старец услышал жалобный голос:

— Авва Зосима, я женщина! Брось мне свою одежду и подойди!

Зосима узнал историю ее жизни и, пораженный этим смиренным рассказом, удивлялся, где она нашла столько сил для такого тяжкого испытания.

— Страшно вспоминать прошлое, — сказала отшельница. — Вот уже сорок семь лет, как я в пустыне, и первые семнадцать лет я провела в адской борьбе с моими страстями, как с лютыми зверями. Любившая вино, я иногда не могла утолить и каплей воды свою жажду. Много страдала от голода, зноя и болезней и часто лежала, как бездыханный труп. Прежние вожделения, как пламень, сжигали меня, я падала на землю, в слезах призывала на помощь Бога и не вставала с земли до тех пор, пока моя душа не обретала покой.

Я не видела живой души со дня моего перехода через Иордан. Сейчас я чувствую, что мои силы тают. Выполни пламенное желание моего сердца — я не приобщалась Святых Таин с того времени, как перешла через Иордан. Следующим

постом ожидай меня в Великий четверг со Святыми Дарами на Иордане. Теперь же прощай и молись обо мне.

После этого Мария скрылась. Зосима поклонился, поцеловал то место, на котором стояли ноги подвижницы, и вернулся в монастырь.

На следующий год, исполняя просьбу Марии, старец Зосима взял Святые Дары и отправился к Иордану. На другом берегу он увидел Марию, которая, подойдя к реке, осенила воду крестным знаменем и спокойно пошла по ней. С благоговейным трепетом смотрел старец на идущую по воде святую. Когда Зосима хотел поклониться ей, она воскликнула:

— Что ты делаешь? Ведь ты же иерей, несущий Святые Дары!

Зосима ответил:

— Слава Тебе, Боже, показавшему мне на примере Своей рабы, насколько я далек от совершенства!

С умилением приняла она Божественные Христовы Тайны и со слезами произнесла молитву святого Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаешь рабу Свою, Владыка, по словам Своим, с миром, ибо видели глаза мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех людей».

— Еще хочу попросить тебя, отче, — сказала она пустыннику. — На следующий год приди опять на то место, где я беседовала с тобой в первый раз, и опять увидишь меня!

И она удалилась в пустыню.

Прошел год. Пустынник пошел искать преподобную. И вот он увидел на песке ее бездыханное тело. С горькими слезами припал старец к ногам умершей. Вдруг он заметил, что в изголовье начертаны на песке слова: «Авва Зосима! Погреби тело убогой Марии на этом месте, верни прах праху, а за меня ради Господа молись. В ночь

страданий Господа я отошла к моему Спасителю, причащенная Святых Таин. Помолись об убогой Марии».

Радуясь славе той, чье имя он узнал только после смерти, святой старец отпел преподобную и раздумывал, чем ему выкопать могилу. Вдруг пришел лев и стал лизать ноги Марии. Зосима испугался зверя. Потом он собрался с духом, перекрестил льва и приказал ему, чтобы тот помог выкопать могилу для погребения угодницы Божией. Лев стал передними лапами рыть землю.

Похоронив святую, Зосима заплакал и просил Марию, чтобы она молилась за всех. И разошлись они в разные стороны: лев ушел в пустыню, старец в свой монастырь, а тело Марии — в землю.

Придя в обитель, Зосима рассказал братии о святой Марии, и они удивлялись, слыша о величии Божиим, и со страхом и любовью поминали преподобную.

Старица

Евфимию Григорьевну Попову еще при жизни называли старицей. Она родилась в селе Каликине, в набожной крестьянской семье. Кто дал ей духовное воспитание — неизвестно.

С четырнадцати лет она стала тайком уходить из дома, иногда на несколько дней, и проводила ночи в молитве на церковной паперти. Стала ходить ко всем службам в каликинской церкви, держала суровый пост, иногда по два-три дня ничего не ела.

Избегая развлечений, она искала уединения и больше любила слушать, чем говорить. Держалась скромно, покорно, говорила кратко и разумно, подолгу молилась со слезами на глазах.

Родители не мешали дочери в ее склонностях. Когда она достигла зрелого возраста, они выстроили ей у сельской церкви небольшую хижину. Здесь она стала жить и принимала к себе только отца и мать, они приносили ей хлеб и воду. Душа Евфимии с такой силою устремилась к Богу, что она не замечала неудобств, и даже зимою редко топила свою хижину.

Через несколько лет затвора, из которого она выходила лишь в церковь, Евфимия приняла на себя труднейший подвиг христианской жизни — юродство Христа ради.

Она стала ходить по улицам своего родного села, являлась в дома, уличала крестьян в пороках. Иногда люди, рассерженные правдой, бранили ее и даже били. Она спокойно выносила все, не жаловалась и прощала обидчиков.

Особенно пришлось ей натерпеться от волостного старосты, которого она на людях обличала в развратной жизни. Он вытолкал ее из своей избы, и с дубинкой в руках преследовал до самой кельи.

Людей же с мягким сердцем обличительные слова Евфимии удерживали и предохраняли от проступков и бед.

Проявился в Евфимии дар прозорливости. Когда в Каликине загорелся дом, на сельской колокольне ударили в набат, поднялась суматоха. Евфимия с посохом в руках вышла из своей хижины, и, бегая по селу, останавливалась перед некоторыми домами и говорила:

— Вот этот дом сию минуту загорится: в нем живут грешники, Бога гневлют и в грехах не каются.

И дома эти действительно сгорали, а другие оставались целы.

До смерти Евфимия жила в Задонске. Ей выстроили особенный дом, в котором вместе с ней жили верующие вдовы и девицы. Эта община устроила приют для бедных, и Евфимия была у них старшей.

Ее жизнь стала спокойней. Она постоянно ходила в Задонский монастырь и всегда усердно молилась. Дома большую часть времени тоже проводила в молитве. Она погружалась в такое высокое созерцание, что часто к ней входили, а она не замечала.

Она обращалась за советами и наставлениями к Илариону Троекуровскому. Он принимал ее с великим уважением, и сам часто пользовался ее опытом, искал совета и поддержки.

Когда Евфимия приходила к отцу Илариону, иной раз он посылал ее ночевать в холодную комнату со словами:

— Поди туда с Богом, и там тепло будет...

Говорят, что она действительно не чувствовала там холода.

Если подвижник не следовал советам старицы, то впоследствии ему иногда приходилось раскаиваться. Он хотел поступить в общежительную пустынь, но она его отговорила, зная, что это не его призвание. Он настоял на своем, а вскоре ушел из пустыни и вернулся к прежним подвигам.

С уважением относился к ней и задонский затворник Георгий, называвший ее своей духовною матерью.

Однажды Георгий исполнял в монастыре послушание у свечного ящика. Его душа, жаждавшая полного сосредоточия в Боге, искала совершенного уединения. Он задумал перебраться на Соловки и со слезами молился, чтобы Господь открыл ему Свою волю. Однажды после богослужения Евфимия подошла к клиросу и, подавая Георгию четки, сказала:

— Вот тебе четки: молись по ним. Царица Небесная приказала тебе жить в Задонской обители и никуда не переходить. Придет время — будешь сидеть в келье.

Вскоре Георгий тяжело заболел и полгода не выходил из кельи, а затем ушел в затвор и оставил у себя только один образ, думая, что много икон — это роскошь, несовместимая с затворничеством. Евфимия объяснила ему ошибочность этого и посоветовала снова украсить келью иконами, чтобы с их помощью укреплять себя воспоминаниями о подвигах святых.

Высоко чтил Евфимию и юродивый Антоний Алексеевич, который благоговел перед ней и был при ней всегда тих.

Посетители странноприимной общины иногда приносили Евфимии деньги, но она редко их принимала и отговаривалась:

— Может быть, вам самим они нужны, а меня Господь пропитает.

Евфимия говорила так не от избытка средств: часто она терпела крайнюю нужду, но ей была дорога добровольная нищета. Молодые келейницы роптали на нее за отказ принимать приношения, а она отвечала:

— Если желаете, сами принимайте приношения. А я стара и слаба, не в силах уже умолить за других Господа.

За полгода до смерти, в полночь, она вышла из своей молельни, собрала в одну комнату всех живших с нею сестер и сказала им:

— Господь наш Иисус Христос благоволил возвестить мне о скором моем уходе, и потому я более не начальница вам. Пусть главною у вас будет сестра Анна Дмитриевна, кланяйтесь ей в ноги и целуйте ее руку, — затем сама первая подошла к ней и поклонилась.

Тело старицы слабело, но дух бодрствовал. За несколько дней до кончины над нею было совершено Таинство Елеосвящения, а затем Таинство Причащения. После причащения она вновь обрела слух, которого давно по старости лишилась. Все время она сохраняла ясное сознание. В день смерти вечером встала с постели, позвала келейницу и попросила налить в стакан святой воды. Три раза перекрестившись, она при каждом крестном знамении пила воду. Потом сама опустилась на постель и тихо умерла. Это было 15 января 1860 года.

Три дня она лежала в гробу, как спящая, без всяких признаков разложения. Ее тело при громадном стечении народа было предано земле в часовне Задонского Богородицкого монастыря, возле могилы затворника Георгия, в ряду других задонских подвижников.

По молитвам Матронушки

Еще до рождения Матронушки ее мать видела чудесный сон: к ней прилетела белая слепая птица с человеческим лицом и села на правую руку.

В 1881 году у нее родилась слепая девочка (вместо глаз были впадинки), которую назвали Матроной. Когда девочку крестили, над купелью поднялся столб легкого благовонного пара. Знамение богоизбранности заметили и священник отец Василий, и все, кто присутствовал при Таинстве. Еще совсем маленькая, ночью, когда все в доме спали, Матронушка выбиралась из своей постельки. Бывало, отец и мать проснутся, а дочки рядом нет. Они зовут ее, и она отвечает:

— Да вот я.

Сидит в красном углу и играет с иконами. Как она могла их достать, снять, положить на стол?

Когда малышка подросла и начала ходить, с ней произошел такой случай: она сидела в доме у окна, вдруг открылась дверь, вошел старец и попросил попить. Матрона взяла ковш из бересты, зачерпнула воды и подала его старику. Он попил, а на прощанье легонько стукнул ребенка в грудь. С тех пор у блаженной на всю жизнь остался на груди крестик. Старик этот, по ее словам, был Николай Чудотворец.

Однажды Наталья, мать Матронушки, стала ее бранить:

— Зачем ты снимаешь крест? Замучила меня, слепая.

— Мамочка, это ты слепая, не видишь, что у меня свой крестик на груди.

Наталья увидела крест на груди Матроны и сказала:

— Милая дочка, прости меня, я не видела...

Много обид пережила слепая девочка, ее дразнили братья и сестры, обижали дети на улице. Бывало, сельские сверстницы позовут ее играть, а сами нарвут крапивы, настегают Матронушку и посадят ее в глубокую яму, чтобы посмотреть, выберется ли она. А Матронушка помолится, заплачет и в следующий раз скажет им:

— Не пойду я больше гулять с вами, вы меня крапивой стрекочете, смеетесь надо мной.

Пристыдит обидчиков — и играет одна.

В богоизбранном ребенке рано проявились дары Божии. На причитание матери «Дитя ты мое несчастное!» — Матрона отвечала: «Я-то несчастная? У нас Ваня несчастный да Миша». Действительно, два брата блаженной стали безбожниками и кошунниками.

Жила Матрона рядом с сельским храмом Успения Божией Матери, ни одной службы не пропускала с самого детства, определила себе место возле входной двери, там и стояла. Мать всегда знала, где искать блаженное дитя: либо в храме, либо в доме.

Через некоторое время к словам Матронушки начали прислушиваться. К ней стали приходиться люди со своими скорбями и болезнями. Всех страждущих принимала блаженная, просила у Господа исцелить болящих, и никто не уходил от нее без утешения.

Однажды Матронушка попросила односельчан начать сбор пожертвований. Деньги требовались, чтобы заказать иконописцу образ Царицы Небесной «Взыскание погибших» для сельского храма. Как только собрали деньги, нашли в Бо-